

С. Ю. КОРОЛЁВА
(ПЕРМЬ)

ЮРЛИНСКИЙ «РУССКИЙ ОСТРОВ»: СЕМЕЙНАЯ И ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ЗЕРКАЛЕ «НАИВНОЙ» ПИСЬМЕННОСТИ¹

Аннотация. Юрлинский район Пермского края — территория проживания русских в коми-пермяцком окружении, выступавшая центром распространения русских традиций. В то же время самосознание юрлинцев характеризуется изоляционизмом по отношению к иноэтничным соседям; сильна установка на консервацию традиционного пласта сельской культуры, актуализируются практики, направленные на сохранение «коллективного знания» о локальной истории и об истории отдельных семей. В рукописных тетрадях юрлинцев обнаруживаются «наивные» автобиографии и родословия, семейные помянники; эти сведения дублируются иногда в «наивной» поэзии.

Особой формой передачи коллективных знаний на современном этапе становятся любительские краеведческие издания, осуществляемые усилиями местных жителей. В их основе лежат бытовые воспоминания и письма; локальная история предстает как совокупность историй отдельных семей (включающих фольклорно-мифологические сюжеты и мотивы); фиксируются факты, обычно игнорируемые «профессиональным» краеведением, но значимые для традиционного сознания (многократные браки, насильственная смерть и т.п.). Стиль таких изданий характеризуется закономерным «сдвигом» от литературного языка к просторечию.

Ключевые слова. Русские, коми-пермяки, контактная зона, наивная литература, поминальные практики, помянники, родословные, жизнеописания, традиционное сознание.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14–14–59009а (р), проект «Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья».

Сведения об авторе. Светлана Юрьевна Королёва, кандидат филологических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Одна из причин, по которой возникают «наивные» произведения исторической направленности, — неспособность официальной культуры адекватно удовлетворить свойственную авторам из народной среды потребность рассказать о том, «как было на самом деле». Расхождения между собственным опытом и описаниями признанных профессионалов (историков, краеведов, журналистов) обусловлены не только субъективными, но и объективными факторами. К последним можно отнести ориентацию на отражение событий разного масштаба (в случае с самодеятельными авторами — почти всегда меньшего, чем принято в официальном дискурсе). По этой причине, к примеру, практически неразличимыми для «большой» (да и региональной) истории оказываются связанные с эпохой жизненные перипетии обычных семей. Наконец, по-видимому, только собственное сочинение позволяет рассказчику решить субъективно важную сверхзадачу: «включить себя в исторический поток, понять, что происходит — для того чтобы жизнь продолжилась» (Козлова 2004: 18).

В этой статье рассмотрено отражение семейной и локальной истории в современной сельской непрофессиональной или полупрофессиональной письменности. События такого рода в наибольшей мере «выпадают» из текстов официальной культуры — и при этом более всего интересуют местных жителей. Материалом послужили письменные тексты (рукописные и опубликованные), обнаруженные в библиотеках и личных домашних архивах на территории Юрлинского района Пермского края (с. Юрла, с. Усть-Зула и деревни Усть-Зулинского сельского поселения). Сведения об этом пласте народной культуры были зафиксированы автором статьи в ходе экспедиционных исследований Лаборатории культурной и визуальной антропологии (руководитель Е. М. Четина), а также в рамках учебной фольклорной и краеведческой практики (руководитель С. Ю. Королёва) филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета в 2013 и 2014 гг.

Юрлинский район делит Коми-Пермяцкий округ на северную и южную части. В коми-пермяцкой публицистике для обозначения этой территории иногда используется метафора «русский пояс»: здесь компактно проживает довольно крупная группа русских, со всех сторон окруженная коми-пермяцким населением. Формирование юрлинской группы-анклава началось в период активного крестьянского заселения Северного Прикамья — в XVII–XVIII вв.

Приходившее на эту почти не занятую территорию русское население было неоднородным по своему происхождению: значительную часть составляли выходцы с Вятки, из Кайгородка, Вологды и центральных областей; в XVIII в. здесь появились раскольники-стрельцы, а затем кержаки, бежавшие с Волги (Александров 1989: 19–20). На протяжении более чем двух последних столетий юрлинцы живут в ситуации культурной обособленности, сохраняя четкие этнические и языковые границы. Географическое положение поддерживает их вынужденную изоляцию от «внешних» русских влияний и осознанную сознательную самоизоляцию от контактов с коми-пермяками². Важным фактором консолидации и сохранения группы-анклава стало воздействие старообрядчества, до сих пор доминирующего в отдельных частях района. В результате сложилась единая культура, характеризующаяся незначительными различиями микрорегиональных вариантов, что нетипично для уральских и сибирских «материковых» русских традиций позднего формирования (но обычно для анклавных).

По оценке этномузыковеда Н. И. Жулановой, культура юрлинцев представляет собой «один из малоизученных и очень ярких образцов русской локальной традиции “островного типа”»; благодаря высокой степени сохранности она является «чрезвычайно привлекательным объектом для исследования» (Жуланова 1995: 77). Научное «открытие» юрлинского материала началось в 1970-х гг. и продолжается до сих пор. Целенаправленный сбор историко-этнографических и фольклористических сведений проделала в 1978–1983 гг. группа ученых из Института этнографии АН СССР (И. В. Власова, И. А. Кремлева, Т. А. Листова, Т. С. Макашина и др.); некоторые результаты отражены в публикациях исследователей и коллективной монографии «На путях из земли Пермской в Сибирь» (1989). Начиная с 1988 г. этномузыкально-ведческое изучение юрлинской традиции осуществляет Н. И. Жуланова, привлекающая к полевой работе московских, екатеринбургских и пермских специалистов (Жуланова 1995). В начале 2000-х гг. сбор сведений о традиционной обрядности, несказочной прозе, песенном фольклоре провели пермские исследователи, опубликовавшие немалую часть как вновь обнаруженных, так и архивных материалов (Бахматов и др. 2003; 2008).

Изучение локальной культуры юрлинцев, однако, далеко от завершения. В частности, в поле зрения специалистов практически не

² Отграничение от соседнего этноса — черта, характеризующая в большей мере этнокультурную идентичность юрлинцев, чем реальное историческое положение дел. Антропологические данные свидетельствуют, что юрлинцы имеют значительное сходство с коми-пермяками, а сам характер сходства позволяет полагать, что в начальный период заселения многие пришлые русские крестьяне-мужчины женились на коми-пермячках (Александров 1989: 24).

попала богатая рукописная традиция, особенно та ее часть, которая представляет собой не запись фольклорных текстов (духовных стихов, причитаний, лирических песен, частушек и т.п.), а вполне авторские произведения, относимые сегодня к обширной сфере «наивной» письменности. Некоторые такие произведения издаются, совершая переход в область печатной книжности и совпадая по форме презентации с текстами «профессионалов». Уже сегодня можно говорить, что этот тип письменности представляет собой важную часть локальной культуры юрлинцев и может рассматриваться как один из механизмов сохранения и трансляции традиционного знания в современных условиях.

По-видимому, «островное» положение юрлинской территории прямо влияет на характер бытования непрофессиональной и «полупрофессиональной» литературы, который отличается заметно большей интенсивностью, чем в коми-пермяцких районах округа³. В местных библиотеках с гордостью показывают поэтические сборники Д. М. Еремеева «Дорога к дому» (2014), Т. В. Жениной «Река моего детства» (2012, «самиздатовский», в нескольких экземплярах), книгу Т. И. Ивановой «И всё это милые сердцу места!» (2008), включающую тексты автора и ее школьных учеников, а также иллюстрированный фотографиями сборник Г. В. Чащиной и С. В. Шитовой «Родимая сторонка» (2011). В этом же ряду следует назвать книгу пермячки Е. Е. Зверевой «Судьбы людские» (2010), где в стихотворной форме изложены автобиография автора и ее родословная, прямо связанная с юрлинской землей. Большой интерес представляет издание краеведческого характера «Поклонись родному дому» (2008), осуществленное бывшим библиотекарем К. П. Гусевой; позднее в соавторстве с сельскими краеведами-любителями ею была подготовлена вторая книга — «Место отчее» (2011). Известно, что еще несколько работ готовится к публикации. Если учесть, что на территории Юрлинского района лишь три населенных пункта по старой административной классификации имели статус села (остальные — деревни), а хозяйство носит в основном аграрный характер, то издательская активность местных авторов действительно производит впечатление⁴.

Безусловный интерес представляют и рукописные источники, отражающие историю юрлинских семей (прозаические жизнеописания, родословные древа и т.п.). Подробное рассмотрение семей-

³ В 2014 г. помимо территории Юрлинского района поиск печатных изданий «наивного» и полупрофессионального типа осуществлялся участникам проекта в библиотеках Косинского и Гайнского районов Коми-Пермяцкого округа Пермского края.

⁴ Другим важным фактором, стимулирующим наивную словесность, вероятно, может выступать специфика старообрядческой культуры с ее ориентацией на книжность, которая исторически обеспечивала сравнительно высокую грамотность в крестьянской среде.

ной письменности я начну именно с них. И сразу же отмечу, что в Юрлинском районе семейная память о предках поддерживается традиционными поминальными практиками. Церковные правила предписывают во время утренних молитв помянуть родственников «за здравие» и «за упокой», и многие местные жительницы, особенно пожилого возраста, так делают. При этом используются семейные помянники (здесь их чаще называют *списки*) — специальные книжечки, тетрадки или отдельные листы, куда вписываются имена усопших:

Поминают до двенадцати [колен]. А записано-то, наверно, меньше. <...> Ну, я хотя не знаю, вот у нас, говорю, у дедушки Васи... у нас небольшой список, а у него целая тетрадка, вот там сколько листов, у него всё-всё записано (М. Л. Кудымова, ок. 40 лет, д. Лобанова).

Некоторые составители помянников делают рядом с именами небольшие пометки, проясняющие родственные связи. Иногда актуальная часть перечня заучивается наизусть:

Господи, помяни за хлебом, за солью маму Анну, тятю Иоанна-Ивана, <...> дедушку Пётру, Скапидонка, сестру Наталью, брата Сергея, <...> ещё Марию и Матрёну, бабушку Марфу, Марию, тёток, дядю Стёпу, Гришу, тётю Таню, Сару, Анисью, Зосю, дедушка Максима, бабушку Василису, бабушку Наталью, Парасковью, Клементия... Это половина только (Н. И. Иванова, 1942 г.р., д. Букреева).

В семьях, где хозяйка не молится по утрам, *списки* тоже есть; они используются в календарные поминальные дни и на индивидуальных поминках (особенно на *сорочинах*), когда принято перечислять всех умерших родственников со стороны хозяев, устроивших *обед*. Иногда старые помянники не употребляются по назначению, а хранятся в домах в качестве семейной реликвии.

Пометки, указывающие на родство, превращают *список* в потенциальную родословную; зафиксирован и случай совершившегося жанрово-функционального перехода. В личном архиве жительницы д. Сергеевой Клавдии Петровны Гусевой, 1937 г.р., автора краеведческих работ, имеется тонкая тетрадь в клетку, озаглавленная «Родословная». В ней на девяти страницах дважды повторяется список имен; оба варианта, как типичные помянники, начинаются словами «За упокой». В первом случае имена стоят в родительном падеже, пометки с указанием дат рождения и смерти приписаны явно позднее. Второй вариант оформлен более последовательно, поясняющая информация приводится рядом с именем, частично — в специальном столбике:

Николай Пшеничников / муж у т. Кати.

Кресна Анна Ив. / 1928–1993.

Младенцы Екатерина, Наталья, Мария, Александр, Иван, Евдокия, Раиса / мои сёстры и братья, умерли до 2-х лет <...>.

Далее вычерчены генеалогические древа четырех родов, представители которых были связаны брачными отношениями и являются прямыми предками составителя. Старшие родственники указаны внизу, последующие поколения — выше; каждая схема визуально представляет собой «куст», разрастающийся вверх и вширь, самая длинная ветвь включает семь поколений. На последних страницах приведены краткие комментарии о семье одного из старших родственников. В тетрадь с родословной вложен переписанный набело поманник — пять тетрадных листов, скрепленных в виде книжечки и озаглавленных «За упокой. 2010 г.»; лаконичные пометы с указанием родства сохраняются и здесь.

Другой вариант родословного древа представлен в семье жительницы д. Букреевой Нины Ивановны Ивановой, 1942 г.р., бывшей воспитательницы детсада. Оно оформлено в виде фотоколлажа; вырезанные портретные изображения располагаются рядами, каждое последующее поколение — выше предыдущего. Всего в коллаж включено более 70 черно-белых и цветных изображений родственников и свойственников, работа помещена в рамку под стекло и висит на стене напротив входа, поблизости от угла с иконами. Второй фотоколлаж — вероятно незаконченный — хранится в папке со старыми бумагами.

В семейном архиве Нины Ивановны и ее покойного мужа Петра Максимовича Ивановых содержится также несколько рукописных тетрадей. Жена записывала в основном молитвы и духовные стихи, до сих пор активно бытующие в Усть-Зулинском сельском поселении; многие из них она знает наизусть, но не исполняет публично⁵. В отдельной тетради обнаружено жизнеописание, представляющее собой историю семьи, которое вплетено в канву биографии автора (объем текста — 24 страницы). Произведение является интересным образцом «наивной» литературы и заслуживает более подробного рассмотрения.

В жизнеописании Н. И. Ивановой содержатся многие мотивы, характерные для устных семейных рассказов — жанра, который составляет своего рода «ядро» семейного фольклора (Разумова 2001: 9, 21 и др.). Примечательно начало, где сообщаются краткие генеалогические сведения, сохранившиеся в семейной памяти. Обычно рассказ о родоначальнике и предках соединяет документальную конкретику

⁵ О статусе Н. И. Ивановой как знатока местной фольклорной традиции см.: Ключикова 2015: 104–105.

с ориентацией на сказочные речевые клише (см. Там же: 199–200), однако Н. И. Иванова воспроизводит синтаксическую структуру, характерную для более авторитетного стиля — библейского; таким образом, история собственного рода соотносится автором с сакрализованными родословиями христианских персонажей:

Жил когда-то (1800-х г.) Артамон, Он родил — Спиридона, Огапа. Огап родил — Скапидона (Капитон) 1840 г. Скапидон родил — Петра — 1878 году. Петр Капитонович — родил Ивана в 20/1 — 2005 г. (очевидно, в рукописи описка, следует читать 1905 г. — С. К.). Иван Петрович в 24/III-42 г. родил меня, Трушникову Нину Ивановну (Иванову)⁶.

Основной локус, фигурирующий в жизнеописании, — родовой дом с деревом — один из типичных образов семейных историй (Разумова 2001: 127–129):

В памяти моей два дома соединены простенком — двор, ограда, огород с большой рябиной и одной черемухой «...». По всей меже были черемухи большие, но когда ограничили землю, папа спилил черемухи и решил выкорчевать пни, чтоб прибавить землю. Так как нас было 8 человек — 6-ро детей. «...» У деда тоже были два дома, и вместе с прадедским домом было всё забрано в ограду общую плотным забором. И росла большая ель — красавица — как граница.

Родители автора отселились от деда в дом прадеда, стоявший по соседству; в этом доме Н. И. Иванова живет до сих пор.

Прадед — хронологически первый герой семейной истории, о котором сообщаются детализированные сведения. В основном они касаются его имущественного положения до коллективизации⁷:

Имел коров — 3 шт., телят, 3-х лошадей. Полные амбары зерна. «...» И осталось прозвище по всему совету. Как Капитон Спиридонович — зажиточный (богатый). Имел молотилку, овин свой, бороны, плуги. Полосы были за деревней в 1 км. И через речку — против этой полосы берег с лесом — тоже были его.

Из личных качеств предка семейная память сохранила два: большое трудолюбие и невероятную скупость (возможно, именно скупостью мотивируется форма имени Скапидон, ср. *скопидом*). Достаток семьи резко упал после раскулачивания:

⁶ Для облегчения восприятия в цитируемых текстах поставлены точки перед заглавными буквами, исправлены очевидные пунктуационные и орфографические ошибки, в квадратных скобках даны восстановленные по смыслу слова; авторские знаки препинания (прежде всего тире), подчеркивания, грамматика первоисточника сохраняются.

⁷ Прадед родился в 1840 г. и, по сообщению Н. И. Ивановой, прожил более 90 лет.

...Вывезли всё. Один овес — 18 возов, не считая пшеницу, ячмень и рожь. Остались без хлеба — прадед сказал: забирайте все — только меня не выселяйте и оставляйте дом. Потом жили все плохо, и мы едва выжили.

В первой половине жизнеописания нередки отступления от хронологии: подробности из жизни прадеда, деда и родителей следуют вперемешку, в них же вкрапляются детские воспоминания автора. Существенное место занимают подробности, связанные с деревенским трудом и домашним бытом 1940–1960-х гг. и представляющие определенный этнографический интерес:

Мама вечерами всегда пряла или лен или шерсть. Надо было прясть много, т.к. все ткали из льна. Шила и фартуки папе, и рубашки в клеточку сшивала. Специально ткала для верхней одежды, половики, для матрасов, скатертей, полотенца. Где-то с 50[-х] годов меньше ткала. <...> Я училась уже в 3-м классе, купили лампу настольную — это лампада со стеклом на керосине. Мы были рады, у многих и такой лампы не было. Некоторые жили еще беднее нас. Отцов поубивали на войне.

Эмоционально, с обилием деталей Н. И. Иванова описывает свою первую встречу со старшим братом Георгием. Ей предшествовали драматичные обстоятельства: чтоб спасти родственников от голода, дядя Нины Ивановны (брат отца), переезжая в другой регион, увез шестилетнего племянника с собой:

И приехал он [Георгий] на родину повидаться только через 15 лет. Мне уже было 7 лет. <...> Все выбежали на улицу встречать. Плачут, обнимаются. А он такой высокий, красивый, все говорит: а где же маленькая сестричка? (это он про меня). А я испугалась и спряталась под стол <...> А он как поднял меня на руки и все кружил, кружил. И с того времени я все была с ним. И как научилась писать, все писала письма ему.

Знакомство с будущим мужем упоминается, скорее, как констатация факта (хотя в реальности сопровождалось большими переживаниями):

Школьные годы были веселые, быстро прошли. С Петром познакомились, но мама запретила встречаться, и мы не виделись.

Они поженились после смерти отца, когда Нина Ивановна уже работала. На взаимоотношения супругов накладывало отпечаток отрицательное отношение свекрови к переезду сына:

Жили мы у нас, т.к. маму одну я не оставила. И Петя согласился жить у нас. Свекровь Иванова Матрена Арт[емовна] жила с дедом Артемом и ба-

бушкой Варварой в деревне в Федотова. Она была очень против. <...> Ее можно было понять, без мужа — (отца убили на войне в 42-м под Великими Луками) — растила⁸ двух дочерей Нину, Анну и сына Петра. Пете было 2 м[еся]ца, и [муж] сказал: «Спаси сына», — и так не вернулся.

В устном интервью Нина Ивановна акцентирует сознательное нарушение ею и мужем тогда еще довольно авторитетной нормы:

Он просто у меня в доме жил. Раньше это не положено было, а мы не считывали, что положено, что не положено.

Семейная история находит отражение и в творчестве супруга Нины Ивановны — Петра Максимовича Иванова (1941–2006), сменившего на протяжении жизни немало профессий (школьный учитель, шофер, председатель сельсовета и др.). Он записывал стихи на отдельных листах и в самодельной книге кулинарных рецептов, которую жена хранит как потенциальную семейную реликвию («Это я просто тетрадь не выкидываю, руку внуки чтоб помнили, как он писал»). Некоторые стихи приобрели окончательный вид при ее участии, она же переписала их набело в отдельную тетрадку. При жизни автор зачитывал их иногда в узком кругу родственников и друзей, обычно во время праздничного застолья⁹.

Послание П. М. Иванова «Жене» — краткая поэтическая версия биографии Нины Ивановны:

Родилась в Букреево [так!] девочка Нина.
Родители Иван с Анной так называли ее. <...>
Мама с папой последыша ростят,
Счастья ей пророчат.
Ведь в войну она родилась,
Трудно было всем тогда.

За пределами поэтического повествования остаются фигуры прадеда, братьев и сестер жены; однако основные факты ее жизни прямо соотносятся с тем, что она сообщает в своем жизнеописании. Влияние советской эпохи проявляется в том, что к числу положительных качеств автор относит не только трудолюбие будущей супруги, но и ее общественную активность:

На работу рано утром уходит
И комсомольцам тихо жить не дает.

⁸ Здесь и далее в этом слове сохранена орфография первоисточника, поскольку она отражает ориентацию авторов на местную диалектную форму: *ростить*.

⁹ Подробнее о стихотворениях П. М. Иванова см.: Беломестнова, Осипова 2015.

При этом встречу с ней Петр Максимович осмысляет в категориях предопределенности, судьбы, типичных для традиционного сознания и до сих пор определяющих содержание устных рассказов о создании семьи (см. Разумова 2001: 246):

А [в] 64 году Петра повстречать
Ей снова судьба начертала.

Центральными событиями, определяющими жизнь супругов, становятся рождение детей и строительство дома (муж перестроил дом прадеда жены):

Стали жить потихоньку они.
Вот дочка — Елена родилась.
Родители — рады счастьем сему
<...>
Сына Сашу ждут появленья,
Работу делают заодно
И думают о доме — строенья.
Ребятишки растут —
И Оля-заскребыш
На свет появилась.
В новом доме она уж родилась.

Финал стихотворения — описание семейной идиллии: достаток в доме, брак детей, появление внуков (сходное понимание семейных ценностей обнаруживается и в жизнеописании Нины Ивановны: «...дом перестроили, и двор, и баню, и детей растили, а потом внуков») ¹⁰. Заключительные строки символически включают в эту идиллию и умерших родителей, память о которых сакрализуется и поддерживается совершением поминальных обрядов:

Память святую мы в сердце храним
И никогда не забыли, кто у нас родители были.
Раз в год ходим мы на могилки,

¹⁰ Этот же сюжет воспроизводится в послании «Детям», носящем характер родительского наставления и завещания: «...не лениться, не зевать. / Надо дом свой создавать. / Вот и дом они срубили, / В нем детей своих растили. / И сейчас дед с бабкой живут. / В гости деток своих ждут»). В тексте названы имена всех внуков, а дом «деда с бабкой» описывается как основное место встречи, объединяющее разросшиеся родственные семьи (ср. с наблюдениями И. А. Разумовой — Разумова 2001: 126). Идеализация семейной истории проявляется в зачине, ориентированном на сказочную стилистику: «Жили-были Нина с Петей / В деревушке небольшой...».

Вспоминаем, как вместе мы жили.
Как учили по совести жить.
Вечно друг друга любить.

Образы родителей возникают и в других текстах П. М. Иванова. После смерти матери автор поддерживает с ней своего рода ритуально-лирический диалог — в нескольких стихотворениях просит прощения — в том числе за переезд в деревню жены:

Ты сейчас в могиле, мама,
Ты меня прости...;

Не жила ты со мною,
Дак прости же меня;

Ты меня провожала
И сказала тогда:
«Может, в дом свой вернешься,
Не забудешь меня», —

и от ее же лица прощает свой поступок, одобряя и символически благословляя брак с Ниной Ивановной:

Ох ты, сын мой родимый,
Я давно не сержусь.
Вы живите ладнее,
А я этим горжусь.

В стихотворных текстах воспроизводится и эпизод семейной истории родителей П. М. Иванова — наиболее драматичный и прямо связанный с автором. Это уход отца на фронт и завещание жене сберечь маленького сына (примечательно, что из семейной истории мужа только эту ситуацию включает в свое жизнеописание Нина Ивановна):

Ты вспомни мать, ну и отца,
Когда стоял он у крыльца,
А мать младенца укрывала,
Одно, одно ему желала:
«Вернись живым, мы будем ждать,
И сын отца будет встречать».

Неоднократность воспроизведения эпизода с проводами и завещанием свидетельствует, что он является одним из главных устойчивых (фольклоризованных) семейных нарративов¹¹.

Гибель отца и трудная жизнь матери с тремя детьми осмысляются автором прежде всего как часть тяжелой женской участи. Однако в одном из поздних стихотворений («Памяти моего отца») акцент смещается на судьбу отца, которого П. М. Иванов никогда не видел, поскольку тот пропал без вести на войне. Стихотворный пересказ разговора с бывшим фронтовиком, сослуживцем отца, позволяет автору подтвердить его героизм, символически вернуть себе, своим детям и внукам право гордиться погибшим дедом и прадедом:

Я верю этому солдату,
Что не предатель отец был,
А честно Родине служил.

Таким образом, камерная «домашняя» лирика транслирует и интерпретирует сюжеты семейной истории, объединяющей предшествующие и последующие поколения. При этом пласт рукописных авторских текстов, функционирующий в семье Н. И. и П. М. Ивановых, практически не выходит за пределы узкого круга ближайших родственников.

Другой способ целенаправленного сохранения и трансляции «родовой памяти» связан с публикацией произведений, созданных непрофессиональными авторами. Для традиционно ориентированного сознания книга остается наиболее авторитетной формой презентации личного и коллективного опыта, превращает рукописные тексты в «тексты культуры». В числе таких изданий выделяется стихотворный сборник «Судьбы людские» (Пермь, 2010, тираж 100 экз.), написанный и изданный пермской пенсионеркой Екатериной Егоровной Зверевой, 1935 г.р. Даже с учетом известного многообразия текстов «наивной» литературы, книга эта представляется весьма примечательной по целому ряду параметров: объем (300 страниц печатного текста и фотографий), полижанровость (стихотворная автобиография; поэтическая родословная; графически оформленные элементы генеалогического древа, включающего более 150 родственников; прозаическое изложение семейной истории; семейный фотоальбом); степень подробности и многообразия представленного жизненного опыта. Отец автора родом из д. Сергеевой, а мать — из соседней д. Тиминой Юрлинского района. Один

¹¹ Ср. в тексте, написанном от лица матери: «Батьку ты совсем не помнишь, / Двухмесячный ведь был. <...> / Как сказал он, горько плача, / Уходя на фронт: “Трудно будет, но расти, / Сына Петю береги”».

экземпляр сборника Е.Е. Зверева передала местному краеведу К. П. Гусевой; об этом сборнике знают и другие юрлинцы, что дает основание рассматривать его в контексте юрлинской непрофессиональной словесности.

Интерес вызывает проявившийся в этой книге способ конструирования истории в разных ее масштабах: личном (автобиография, судьба семьи), локальном (события местного уровня) и «большом» (события, касающиеся страны в целом). Исследователи уже отмечали, что в «наивных» текстах представление о прошлом строится по принципу эгоцентричности (в центре происходившего оказывается личность рассказчика и судьба его ближайшего окружения) и деиерархичности (события большого исторического масштаба уравниваются в сознании говорящего с событиями его личной жизни) (Левкиевская 2010). Повидимому, выявленная закономерность является типологической чертой историзма «наивной» литературы. Обнаруживается она и в книге Е.Е. Зверевой, где разномасштабные события оказываются встроенными в повествование о собственной жизни и судьбах родственников.

Автобиографическая часть поэтического сборника открывается текстом, содержащим популярный мотив устных юрлинских преданий о происхождении местных жителей «от стрельцов» (которые, по одной версии, были сосланы на Урал Петром I, а по другой — бежали сюда сами, опасаясь его гнева). Семейная и локальная истории прямо связываются с переломными событиями, имевшими место в столице:

В некотором царстве, да в нашем государстве
При Великом Петре, бунт стрелецкий был в Москве.
Софья к власти рвалась, да затея ей не удалась...
В Москве стрелецкий бунт подавлен,
А Софью в монастырь свезли.
Стрельцам расправу учинили —
Их пытали, убивали
Да на Урал, в Сибирь этапом гнали.
Тому пример — наш Коми край.
<...>
Среди шести районов коми
В одном лишь русские живут
<...>
Их предки — русские стрельцы!
А наши деды и отцы
От тех стрельцов уже пошли
(Зверева 2010: 6).

Сегодня местные жители воспроизводят это предание, ссылаясь на публикации в районных СМИ и краеведческие издания; одна-

ко, по сообщению Е. Е. Зверевой, о происхождении юрлинских семей «от стрельцов» она знает не по книгам, а по устным рассказам отца¹².

Поводом для подробного повествования о судьбе отца становится воспоминание о детском проступке автора:

Папаня как-то крепко осерчал,
С ухватом в ярости за мной погнался.

Объяснить вспыльчивый характер отца отчасти призвано ретроспективное описание ключевых событий его жизни:

Отец — двенадцать лет в солдатах был,
Царю, Отечеству служил
И видел царя и царицу.

Воспоминание о том, как отец «видел царя», считается важным и приводится подробно:

Когда войска свои проверял,
На темном коне всегда восседал,
Царица — на лошади белой масти
(Там же: 45–46).

Далее следует упоминание об участии отца в «первой германской» войне и об австрийском плене; в обоих случаях рассказ сводится к упоминанию переломных эпизодов (заболел тифом, был принят за мертвого, но через сутки вышел из морга; австрийский «барин» предлагал «дело», но он сбежал, чтоб вернуться на родину). Дома его ждали «два сыночка» и больная жена, которая вскоре умерла от туберкулеза¹³.

¹² Этот сюжет воспроизводится и во второй части сборника, озаглавленном «Родословная» и включающем, кроме стихов, прозаическую часть. Здесь локальное предание перерастает в своего рода этнографический очерк, основанный на рассказах старших родственников и детских воспоминаниях: «В XVII веке прошлого столетия [так!] среди таежных лесов на берегу реки Пож (...) появилась деревня Сергеево. Это край ссыльных. Во времена царствования Великого Петра Софья решила сделать переворот, чтоб захватить власть в свои руки, но потерпела неудачу. В результате устроили гонения на стрельцов. Их жестоко избивали, гнали этапом в глухие места Сибири и Урала. (...) Много стрельцов оказалось в глуши Коми-Пермяцкого округа [так!] Пермской губернии. (...) Кроме стрельцов, здесь было много кержаков, староверов. Они ели-пили только из своей посуды и не ругались бранными словами. (...) Каждая семья имела свой надел земли, где они выращивали себе хлеб, позднее стали возделывать и овощные культуры. Питались весьма скудно: варили кашу-затируху, ели пистики (хвоц полевой), пиканы (сньты). Варили шомшу из сньты. Собирали в лесу грибы и ягоды, на болотах клюкву по осени» (Зверева 2010: 272).

¹³ Эти эпизоды воспроизводятся автором в стихотворном тексте, посвященном роду отца — Макарятам, а также в прозаическом рассказе об отце и его братьях (Зверева 2010: 239, 275–276).

В этом же стихотворном тексте изложена история создания родительской семьи:

Пришлось [отцу] искать среди невест
Себе жену, сыночкам мать.

Выбор мотивируется впечатлением, которое во время праздничного катания на лошадях произвела на вдовца молодая женщина в нарядной шали:

И выбрал Анну, нашу маму.
Она на масленой неделе
В большой красивой шали
С подружками каталась
В расшитой яркой кошеве.
Вот сватов и заслали...
(Там же: 46)¹⁴.

В другой части книги семейный нарратив о масленичном катании приводится вновь, чтоб объяснить, почему отец не женился на «любимой Дарье», от которой у него был внебрачный сын. Здесь же констатируется, что внезапно принятое решение не было удачным:

Отец в нее влюбился, и сватов к ней послали,
И он на ней женился,
Но брак несчастен был.
Ни он ее, и ни она его
За прожитую долгую жизнь не полюбили...
(Там же: 228).

В прозаической версии текста возникает дополнительная деталь: мать и тетка Анны, к которой посватался отец автора, выдали ее за него замуж «почти насильно» (Там же: 263).

В связи с судьбой матери актуализируется распространенный фольклорно-мифологический мотив (по-видимому, составляющий основу одного из устойчивых нарративов в семье автора). Крайне неудачный характер ее первого замужества объясняется вмешательством местного колдуна:

Дочка Анна — наша мама —
Дважды замужем была.

¹⁴ Примечательно, что обстоятельства встречи будущих супругов вполне традиционны: она происходит во время обрядового масленичного гуляния, одной из функций которого было «высматривание невест».

Первый муж, Иван Иванович,
Что с Букреевщины был
<...>
Да колдун их разлучил.
Тот колдун — Базанов Ваня —
По соседству проживал,
Крепко-крепко осерчал,
Что на свадьбу не позвали
(Там же: 226).

В стихотворном рассказе о втором замужестве примечательна выбранная Е. Е. Зверевой форма, когда фактологический комментарий вводится в виде приписки в скобках, а самые важные сведения выделяются подчеркиванием, что придает записи мемориально-бытовой характер:

Замуж выдали потом (сваха тетка Катерина)
За папаню нашего (Егор Макарович),
За вдовца и с ношею (Егор и Федя — сыновья).
<...>
От второго брака —
Три сестры и братьев пять, даже шесть, —
Внебрачный есть
(Там же: 226).

Хронологическая глубина повествования расширяется благодаря стихотворным и прозаическим рассказам Е. Е. Зверевой об истории двух родов — отцовского (Макарята) и материнского (потомки ссыльного Христофора Долгих)¹⁵. Сведений о предках со стороны отца в стихах сообщается немного («По отцовской линии корешки не длинные»); в прозаической версии семейной истории упоминается прадед Феоклит, который «тоже был ссыльным, возможно, из стрельцов». Локальное историческое предание используется для объяснения сравнительно недолгой жизни мужчин в этой семье:

¹⁵ В интервью с Е. Е. Зверевой, записанном мною совместно с М. В. Курочкиным в 2015 г., она более четко, чем в книге, дифференцирует происхождение двух этих родов: «По материнской линии когда-то были гонения, по-моему, в XVIII, в XVIII веке, наверное. Со средней полосы верующих старообрядцев всех в Сибирь, на Tobol, в Коми округ выслали. По материнской линии все ссыльные отсюда. <...> Потому что у матери прадед, то ли он был осетин, то ли цыган, черный был по виду. Он у нас в Александровской больнице, что-то у него с головой было неладно, наверное, били его царские прислужники, и он в Александровской больнице, сейчас психбольница называется, в больнице этой скончался. <...> А по отцовской линии, отец сам рассказывал <...>, они от стрельцов. <...> Стрельцов тоже в основном в Сибирь гнали. Как раз в Коми округе окопались они, в Юрлинском районе. Они жили одиночки, очень любили лошадей <...>, даже, по-моему, брата у отца раскулачили, что он имел двух лошадей».

Стрельцов крепко обижали, их пытали, убивали <...>. Поэтому они были «не долговики», рано умирали. Коротким был век у Феоклиста, да и у [его сына] Макара тоже (Там же: 275).

Историю отцовского рода дополняет подробное (и, по-видимому, несколько мифологизированное) описание семейного достатка до раскулачивания:

Старожилы вспоминали, что когда гнали коней на водопой, то табун был так велик, что если первая лошадь уже пила воду, то последняя еще выходила со двора. По двадцать человек возили навоз от Макарят, целая колхозная бригада. Лошадей продавали в [город] Усолье <...>. ...Поговаривали, что Макарята не гнушались заниматься и конокрадством. И все это богатство у Макарят забрала власть (Там же: 277–278).

Первым предком по материнской линии, чье имя фиксирует семейная традиция, становится прапрадед автора Христофор. Его образ явно домысливается Е. Е. Зверевой с опорой на сохранившиеся в коллективной памяти биографические факты (был курчавым и черноволосым; страдал сильными головными болями). Она описывает его как «молодого, горячего по натуре человека», сосланного в «глухой таежный уральский край» «по велению царя». Головные боли и последующее сумасшествие прапрадеда связывается с «побоями царских прислужников», а смуглая кожа и черные курчавые волосы — с иноэтничным происхождением: «предполагают, то ли цыган, то ли осетин по происхождению» (иноэтничное происхождение предка — типичный мотив устных семейных исторических нарративов, см. Разумова 2001: 189, 192). Еще один значимый мужской образ — образ деда по линии матери (его жена, бабушка Марина, приходилась ссыльному Христофору внучкой) — строится уже на личных воспоминаниях автора:

Дед Степан был по характеру крутоват, строг не в меру. <...> Да и сам вел довольно скептический (по-видимому, имеется в виду аскетический. — С. К.) образ жизни. Сколько помню из своего детства, до самой смерти носил домотканые штаны <...> (Зверева 2010: 261).

Сборник «Судьбы людские» создавался Е. Е. Зверевой прежде всего для круга родственников (правда, гораздо более широкого, чем, к примеру, в случае с жизнеописанием или стихотворными текстами Н. И. и П. М. Ивановых); по их домашним библиотекам и разошелся практически весь тираж этой книги. В числе примечательных стоит выделить, пожалуй, тот факт, что в форму печатного слова (а значит, и в сферу большей публичности) Е. Е. Зверева переводит целый ряд специфических семейных нарративов, содержащих традиционно закры-

тую («тайную», не сообщаемую посторонним) информацию: о психических заболеваниях, неестественных смертях, аномальных рождениях, отчасти — супружеских конфликтах, некоторых мотивах вступления в брак и т.п. (ср.: Разумова 2010: 28). По-видимому, ее позиция может объясняться ослаблением влияния традиции (автор имеет высшее образование, живет в большом городе) и/или сравнительно закрытой группой адресатов (читатели книги — близкие и дальние родственники).

В то же время широта охваченных событий, относящихся к семейной, локальной и «большой» истории, а также элементы обобщений (к примеру, этнографического очеркового характера — см. примечание 12), сближают сборник Е. Е. Зверевой с текстами «наивного краеведения» — особого рода работ, «зависших между сферой профессионализма и народной (традиционной) культурой» (Николаев 2010: 2). В юрлинской непрофессиональной и полупрофессиональной словесности тексты этого рода представлены в двух книгах («Поклонись родному дому», «Место отчее»), созданных представителями сельской интеллигенции (учителями, бывшими сотрудниками администрации и др.) под руководством местного библиотекаря и увлеченного краеведа-любителя К. П. Гусевой (она выступила автором первой из двух книг и соавтором второй). Объем статьи не позволяет остановиться на этих изданиях подробно, поэтому ограничусь перечислением наиболее ярких черт, характеризующих представленный здесь тип историзма — явно промежуточный между профессиональным историко-краеведческим подходом и традиционным народным интересом к истории.

Так, один из разделов первой книги — «С любовью к деревне» в целом ориентирован на нормативные формы, традиционные для советского краеведения. Он включает краткие сведения о жителях родной автору деревни Сергеевой, локально приуроченные истории времен Первой мировой и Гражданской войн, описание жизни в довоенной советской России, главу о Великой Отечественной войне, характеристику послевоенного и постсоветского периодов. Завершают книгу «неофициальные» главы, посвященные наиболее необычным историям сергеевских семей и местному фольклору. В основу книги легли записи бесед с односельчанами и их письма к автору разных лет — т.е. достаточно разнородные документы с присутствием или доминированием просторечных форм речи и «наивного» мышления¹⁶.

Обязательные для «нормативных» краеведческих сборников выходы в «большую» историю, которые достигаются привлечением широкой статистики и исторических справок, здесь практически отсутствуют. Для К. П. Гусевой достаточно зафиксировать субъективное восприятие событий участниками-односельчанами, отразить их индивидуаль-

¹⁶ Показательно, что книга К. П. Гусевой привлекается диалектологами как один из источников, отражающий лексические особенности местных говоров, см.: Зверева 2014.

ный опыт, взгляд «изнутри», почти не скорректированный взглядом «извне». Отбор случаев, сохранившихся в памяти деревни, во многом определяется предпочтениями, типичными для традиционного сознания. Так, известно особое отношение крестьянства к людям, чудесным образом избежавшим смерти; самым ярким эпизодом Гражданской войны в книге К. П. Гусевой становится история «дважды убитого» деревенского парня Василия Иванова, который остался жив после расстрела белыми, но был казнен ими повторно (Гусева 2008: 47–48).

Показательна с этой точки зрения и таблица, призванная дать лаконичную информацию о жителях деревни с 1927 по 2003 г. (автор кропотливо собрал сведения о семьях из 110 домов). К. П. Гусева перечисляет состав семей, имена, даты рождения и смерти; фиксирует переезды на другие территории; указываются повторные браки:

Жена I — ? Жена II — Александра. Жена III — Лукерья (1893–1967).
Жена IV — Анастасия (1907–1971).

Дополнительные сведения сообщаются в том случае, когда возникают отступления от нормативности, обычности; это может касаться внешности человека, характера, поведения и других отличительных черт:

Жена Васиха Оброскова умерла рано (о ней вспоминают, что она всё ходила в кокошнике) (Там же: 18).

С особой тщательностью в таблице указываются отступления от естественной смерти, а именно смерть в раннем возрасте, несчастные случаи, убийства, самоубийства:

Леханов Яков Павлович. <...> Яков долго жил один, был мастеровитый, делал кадушки. Задавился в избе на лапотном пояске (Там же: 13).

История деревни предстает в ее книге как сумма судеб всех ее семей. Самостоятельное значение придается тем фактам, которые в «профессиональных» работах были бы квалифицированы как исключение или крайность, а возможно, вообще не вошли бы в текст. Иначе говоря, здесь присутствуют стили мышления и образы, не характерные для нормированной культуры, см.: Неклюдов 2001: 14.

Мне кажется, подобного рода «промежуточные» формы, объединяющие черты профессиональных и «наивных» текстов, представляют собой перспективный предмет научного исследования — в том числе и методами, которыми располагает современная фольклористика. Книги непрофессиональных и полупрофессиональных авторов оказываются ценным материалом, отражающим специфику народной памяти, фиксирующим сюжеты локального и семейного фольклора.

Отдельный интересный аспект исследования — их связь с пластом домашней, бытовой письменности и традиционными поминальными практиками.

Литература

Александров 1989 — На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. / Под ред. В. А. Александрова. М., 1989.

Бахматов и др. 2003 — *Бахматов А. А., Подюков И. А., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Юрлинский край: традиционная культура русских конца XIX–XX вв. Кудымкар, 2003.

Бахматов и др. 2008 — *Бахматов А. А., Голева Т. Г., Подюков И. А., Черных А. В.* Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Пермь, 2008.

Беломестнова, Осипова 2015 — *Беломестнова А. С., Осипова И. В.* «Наивная» литература в культуре современной сельской семьи (творчество П. М. Иванова) // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: Материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / Отв. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2015. С. 259–264.

Гусева 2008 — *Гусева К. П.* Поклонись родному дому. Пермь, 2008.

Жуланова 1995 — *Жуланова Н. И.* Юрлинцы: русский «остров» или контактная зона? (О музыкальном фольклоре и традиционной культуре русского населения Коми-Пермяцкого автономного округа) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 6: Русский фольклор в инокультурном окружении. М., 1995. С. 77–88.

Зверева 2010 — *Зверева Е. Е.* Судьбы людские. Пермь, 2010.

Зверева 2014 — *Зверева Ю. В.* Краеведческие материалы как источник пополнения диалектных словарей лексикой коми-пермяцкого происхождения // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. Вып. 2. С. 141–146.

Клюйкова 2015 — *Клюйкова Е. А.* Репертуар и статус современного сельского фольклорноносителя (по материалам с. Усть-Зула Пермского края) // Фольклористика и культурная антропология сегодня — II: Сб. тезисов Междунар. науч. конф. молодых ученых. М., 2015. С. 103–106.

Козлова 2004 — *Козлова Н. Н.* Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14–26.

Левкиевская 2010 — *Левкиевская Е. Е.* «Наивное» членение исторического времени в крестьянских автобиографических текстах // Маргиналии-2010: границы культуры и текста: Тезисы Междунар. конф.: [Электрон. ресурс] (<http://unipersona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2010/thesis.htm>).

Неклюдов 2001 — *Неклюдов С. Ю.* От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001. С. 4–14.

Николаев 2010 — *Николаев О. Р.* Наивная фольклористика: типы, формы, функции // Живая старина. 2010. № 1. С. 2–5.

Разумова 2001 — *Разумова И. А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001.